

УДК 82–1(47)
ББК 83.3(2)

Черкасова Екатерина Анатольевна

Тюменский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Россия, Тюмень,
e-mail: cherkasova85@gmail.com

Несобранный цикл о поэзии как теургии в лирике В.С. Соловьёва второй половины 1890-х годов

Рассматривается сюжетная и мотивная взаимосвязь десяти стихотворений В.С. Соловьёва второй половины 1890-х годов. Используется метод мотивного анализа, доказывающий включенность этих соловьёвских произведений в стиховое единство несобранного цикла. Отмечается, что стихотворения В.С. Соловьёва указанного периода связаны не только с эстетическими и философскими трудами самого В.С. Соловьёва, но и с лирическими произведениями поэтов-предшественников. Доказывается принадлежность десяти стихотворений к поэтическим традициям А.А. Фета, К.К. Случевского, А.Н. Майкова, В.А. Жуковского и Я.П. Полонского. Предлагается возможное название несобранного цикла – «Поэзия как теургия». Дается краткий обзор эстетических и философских идей Соловьёва, важных для характеристики сюжетной организации несобранного цикла. Определяется общая тема и сквозные мотивы десяти стихотворений, которые являются циклообразующими. Предлагается рассматривать лирический мистериальный сюжет как общий для всех стихотворений несобранного цикла. Пророческий мотив и образы-символы природы и поэта-пророка определяются как сквозные для данного цикла. Делается вывод о том, что В.С. Соловьёв создает ряд стихотворений, которые сюжетно и мотивно продолжают и дополняют друг друга, представляя тем самым несобранный цикл о поэзии как теургии. Структурно и содержательно данный цикл включается в контекст литературной эпохи, наследуя поэтическую традицию поэтов-классиков и создавая новую традицию, воспринятую поэтами-символистами.

Ключевые слова: поэзия В.С. Соловьёва, несобранный цикл, сквозной мотив, лирический сюжет, поэтическая традиция, пророческий мотив, мистериальный сюжет, образ поэта, поэтическое творчество, теургия

Cherkasova Ekaterina Anatolievna

Tyumen State University, PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the department of Russian and Foreign Literature,
Tyumen, Russia, e-mail: cherkasova85@gmail.com

The uncompleted cycle about poetry as theurgy in V.I. Solovyov's lyrical poetry of the second half of the 1890s

The author examines the inter-connections of subjects and motives in ten poems which Solovyov wrote in the second half of the 1890s. The method of motive analysis shows that those works bear the mark of a verse unity making an uncompleted cycle. It appears that Solovyov's poems during that period can be related not only to his aesthetic and philosophical works but also to the lyrical pieces

of earlier poets. Thus, it is shown that ten poems belong to the tradition of A.A. Fet, K.K. Sluchevsky, A.N. Maykov, V.A. Zhukovsky and Ya.P. Polonsky. It is suggested to call this uncompleted cycle "Poetry as theurgy". A brief review is proposed of the aesthetic and philosophical ideas which are important to understand the general theme canvass of the cycle. The common theme and cross-cutting motives of twelve poems forming that cycle are defined. It is suggested to consider that the lyrical mystery theme is common to all the poems of that cycle. It is shown that the prophetic motive and images/symbols of nature and of the poet as prophet can be traced throughout the whole of the cycle. The conclusion is that Solovyov has created a series of poems which, through their themes and motives, prolong and complete each other, thus offering an uncompleted cycle of poetry as theurgy. From the point of view of its structure and content, that cycle is typical of the literary epoch when it was composed, being a continuation of the classical tradition while at the same time creating a new tradition, that of the symbolists.

Key words: *V.S. Solovyov's poetry, uncollected cycle, through motive, lyrical plot, poetic tradition, profetic motives, mysteriological plot, image of the poet, poetic creativity, theurgy*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.020-033

Проблема несобранного цикла и особенности его формирования не единожды становились объектом исследования. Стремление художников к циклизации исследователи относят к XIX веку, отмечая, что это «явление общелитературное»¹. Основания, по которым отдельные стихотворения могут быть объединены в цикл, описал ученый И.В. Фоменко. В частности, он отметил, что «циклообразующие связи могут возникать на любом уровне структуры – от темы и проблематики до фоники»². По отношению к авторскому замыслу, Фоменко условно делит их на «запрограммированные (заглавие, общий композиционный принцип, развитие темы и т.д.) и незапрограммированные, возникающие помимо авторской воли (пространственно-временные отношения, ключевые слова, фоника, полиметрия и т.п.)»³.

И если авторские лирические циклы – это прямое отражение воли автора при их составлении, то дополнительного изучения требуют читательские циклы. По этому поводу М.Н. Дарвин замечает: «Категория “читатель” в контексте художественного целого лирического цикла еще не получила своей должной разработки в современном цикловедении» [3, с. 55]. По мнению Е.В. Пепеляевой, «исследовательский» и «редакторский» циклы (как разновидности читательского цикла) «отражают стремление найти закономерности развития художественной системы лирика и представляют собой группировку стихотворений по признаку темы и проблемы (что чаще всего встречается) или структурному признаку (например, особенности композиции произведений). При этом они не предполагают наличия авторских замыслов циклизации»⁴. Исследователь полагает, что понятие «несобранного» цикла «в боль-

¹ См.: Ляпина Л.Е. Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. Исследования и материалы. Петрозаводск, 1990. С. 29 [1].

² См.: Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. С. 22 [2].

³ Там же. С. 22.

⁴ См.: Пепеляева Е.В. Исследовательская циклизация лирики как теоретическая проблема // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2 (18). С. 176 [4].

шей степени, чем исследовательского, отражает убежденность литературоведа в существовании у автора циклического художественного мышления, должным образом не оформленного»⁵.

В стихотворном наследии В.С. Соловьева наличествуют несколько поэтических циклов. Например, «Сафо» или «Пародии на русских символистов». Кроме того, стремление к упорядочиванию собственных лирических произведений присутствует и в структуре прижизненных сборников стихотворений. Так, десять стихотворений второй половины 1890-х годов обладают признаками цикла: «Памяти А.А. Фета» (16 января 1897 г.), «На смерть А.Н. Майкова» (9 марта 1897 г.), «А.А. Фету (Посвящение книги о русских поэтах)» (июль 1897 г.), «Родина русской поэзии. По поводу элегии “Сельское кладбище”» (12 октября 1897 г.), «Отзыв на “Песни из «Уголка»» (январь 1898 г.), «Песня моря» (апрель 1898 г.), «Ответ на “Плач Ярославны”» (19 июня 1898 г.), «На смерть Я.П. Полонского» (19 октября 1898 г.), «Белые колокольчики» (15 августа 1899 г.), «Вновь белые колокольчики» (8 июля 1900 г.). Считаем целесообразным рассматривать тексты в хронологической последовательности, показывающей развитие единого лирического мистериального сюжета выявленного несобранного цикла.

Возможная отнесенность того или иного стихотворного текста В.С. Соловьева к некоему циклу устанавливалась, прежде всего, по адресации определенному поэту, отраженной в заглавии, эпиграфе или посвящении. Кроме того, в примечаниях к стихотворению «А.А. Фету» (июль 1897 г.) брат поэта М.С. Соловьев в четвертом издании стихотворений В.С. Соловьева отмечает: «Помещенное здесь стихотворение предназначалось как посвящение для одного из этих сборников – “Русская лирика в XIX столетии”» [5, с. 327]. Как известно, Владимир Соловьев не успел выпустить данную книгу. Он вел «подготовительные» работы к ней, о чем можно судить по выходу в свет ряда его критических трудов: «Поэзия Ф.И. Тютчева» (1895 г.), «Поэзия гр. А.К. Толстого» (1895 г.), «Поэзия Я.П. Полонского» (1896 г.), «Судьба Пушкина» (1897 г.), «Мицкевич» (1899 г.), «Особое чествование Пушкина» (1899 г.), «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899 г.), «Лермонтов» (1898 г. – замысел, 1901 г. – первая публикация). Близость Соловьева-поэта к предшествующей поэтической традиции неоднократно отмечалась З.Г. Минц: «В стихотворениях последних лет жизни, как бы подводящих итог его творчеству, он открыто декларирует свою причастность именно к этой линии русской лирики» [6, с. 53]. Ученый подчеркивает особое отношение Соловьева к Фету и поколению авторитетов-классиков, «чей романтический пантеизм и пантеизм русских лириков середины XIX в. Соловьев ощущал как свою поэтическую родину»⁶.

⁵ См.: Пепеляева Е.В. Исследовательская циклизация лирики как теоретическая проблема. С. 176.

⁶ См.: Минц З.Г. Соловьев – поэт // Соловьев В.С. Стихотворение и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 53 [6].

По мнению Д.М. Магомедовой, поэзия Соловьева «оказалась своего рода мостом между поэтикой Фета, Полонского, Тютчева и поэзией “младших” символистов, создававших собственный язык символов, опираясь на “трансформирующий” метод своего учителя»⁷. Следующее поколение поэтов (в частности, А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов)⁸ продолжает и развивает традицию В.С. Соловьева: «У истоков “мистериального сюжета” в литературе XX века находится мистериальное творчество В. Соловьева. Он вынес в “проблемное поле” философско-художественного дискурса изображение космической жизни в целом, создал мистиерию спасения, которая имеет отношение к конечным задачам преобразования бытия как завершению некой вселенской акции, осуществляемой высшим Божественным замыслом (софийным началом) и одновременно усилениями человека вследствие его органического роста. <...> Мистериальный “канон”, “заданный” Соловьевым литературе XX века, был востребован как философией, так и литературой», – пишет О.А. Дашевская [9, с. 300–301]. Именно это, на наш взгляд, делает рассматриваемый несобранный цикл В.С. Соловьева переходной формой циклизации от классического к неклассическому типу. Л.Я. Гинзбург так характеризует этот этап, связывая его с поэзией Блока: «Лирическая циклизация обычно была однотемной, охватывала материал одного плана. Циклизация Блока многопланна и противоречива. Отдельные циклы перекрещиваются, образуя сложную структуру “романа в стихах”. Эта циклизация динамична, она нарастает, движется во времени, в своем движении образуя судьбу поэта» [10, с. 257]. С.Н. Бройтман, в свою очередь, отмечает особое влияние Соловьева на символистов: «Отправляясь от В. Соловьева и разделяя его положение о единстве источников художественного творчества и творчества жизни и примате творчества над познанием ..., символисты развивают идею теургии применительно к художественной практике» [11, с. 202].

Цели и задачи художественного творчества Соловьев формулирует в различных эстетических и философских работах, выделяя лирику как особый, высший род поэзии. Реализация этих идей осуществляется в поэтическом наследии философа. Лирический поэт становится частью мистерии, ведь именно в настоящей лирике «душа художника сливается с данным предметом или явлением в одно нераздельное состояние»: «это есть первый признак лирической поэзии, ее задушевность или по-немецки Innerlichkeit»⁹. Из этого следует единство формы и содержания, являющееся отличительной и главной особенностью «лирического произведения», ведь, по Соловьеву, в «истинно-

⁷ См.: Магомедова Д.М. Владимир Соловьев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ: Наследие, 2000. Кн. 1. С. 769 [7].

⁸ Подробнее об этом см.: Минц З.Г. Соловьев – поэт // Соловьев В.С. Стихотворение и шуточные пьесы. С. 53–56; Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. С. 489–512 [8].

⁹ См.: Соловьев В.С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 210 [12].

лирическом стихотворении нет вовсе содержания, отдельного от формы, чего нельзя сказать о других родах поэзии»¹⁰.

Специалисты по теории лирических циклов М.Н. Дарвин и В.И. Тюпа отмечают: «Отдельное произведение в цикле способно как “собирать” смысл целого, так и “рассеивать” его. Поэтому отдельное произведение в цикле не совсем подобно части в самостоятельном литературном произведении»¹¹. Отдельное произведение даже вне цикла «сохраняет статус своей художественной самостоятельности», поэтому в «циклической художественной форме важна ... не столько подчиненность части целому, как в самостоятельном литературном произведении, сколько сама эта связь частей»¹². Применение мотивного анализа в данной работе отвечает специфике несобранного цикла, так как этот метод способен «вместить любой объем и любое разнообразие информации, поступающей в оборот мысли в процессе смысловой работы с данным сообщением, и в то же время остаться на почве этого сообщения как некоего языкового артефакта, который смыслообразующая мысль в каждый момент своего движения стремится охватить и ощутить как целое»¹³.

Художественный текст, открывающий несобранный цикл («Памяти А.А. Фета»), – первый в ряду стихотворений Соловьёва второй половины 1890-х годов, где звучит обращение к умершим поэтам. Последний («Вновь белые колокольчики») – был внесен в данный список в связи с тем, что он тематически и по смыслу связан с предшествующим стихотворением («Белые колокольчики», адресованные А.А. Фету). Из десяти текстов пять адресованы А.А. Фету («Памяти А.А. Фета», «А.А. Фету (Посвящение книги о русских поэтах)», «Песня моря», «Белые колокольчики», «Вновь белые колокольчики»), два текста адресованы К.К. Случевскому («Отзыв на “Песни из “Уголка”»», «Ответ на “Плач Ярославны”»), остальные – А.Н. Майкову («На смерть А.Н. Майкова»), В.А. Жуковскому («Родина русской поэзии»), Я.П. Полонскому («На смерть Я.П. Полонского»).

Уже в первом стихотворении («Памяти А.А. Фета») говорится о творческом бессмертии А.А. Фета, поэтическое наследие которого связано с некой тайной, постичь которую способен лирический субъект: «Не скрыл он в землю дар безумных песен», «Мне слышатся призывы / И скорбный стон с дрожащею мольбой...» [15, с. 115]. Художественное творчество, по мысли Соловьёва, фактически подтверждает «достоверность общечеловеческого опыта: действительность идей и умственного созерцания»¹⁴. В трудах Соловьёва утверждается

¹⁰ См.: Соловьёв В.С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. С. 210.

¹¹ См.: Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. С. 29–30 [13].

¹² Там же.

¹³ См.: Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 335 [14].

¹⁴ См.: Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва в 9 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 61 [16].

приближение человека к Богу при помощи искусства и творчества, которые оказываются «проводниками» к наивысшей цели и которые, по мысли Соловьева, способны преобразить человека и человечество, изначально находящееся в хаосе¹⁵. В связи с этим лейтмотивным в несобранном цикле будет являться образ певца-пророка: «Не скрыл он в землю дар безумных песен; / Он все сказал, что дух ему велел» [15, с. 115]; «Званы еще многие в царство песнопений», «Вы увековечили все, что в ней сияло», «Чтобы звоном сладостным в царстве песнопений / Вызывать к грядущему то, что миновало» [17, с. 116]; «Чтоб отблеском бессмертных озарений / Вновь увенчать умолкнувших певцов» [18, с. 116]; «И песни строгие к укомной колыбели / Неслись из-за моря, с туманных островов» [19, с. 118]; «От кого это теплое южное море / Знает горькие песни холодных морей?..», «Эту песню одну знает южное море» [20, с. 123]. Конечность человеческой жизни будет в одном случае противопоставлена вечной жизни, заключенной в творчестве отдельных поэтов, в другом – являться необходимым условием перерождения.

От стихотворения к стихотворению разворачивается лирический мистериальный сюжет, который нельзя было бы проследить, если рассматривать произведения по отдельности, и который включает в себя тайную встречу, тайное свидание, преображение или переход.

Развертывание мифа о мистериальном преобразовании действительности посредством поэзии подкреплено и философскими высказываниями автора. Так, в книге «Россия и Вселенская церковь» (1888 г.) Соловьев отмечает, что мир изначально находится в хаосе, все его элементы разрознены, а «космический процесс, будучи, с одной стороны, мирной встречей, любовью и браком двух деятелей – небесного и земного, с другой стороны, представляет борьбу насмерть Божественного Слова и адского начала за власть над мировую душу. Отсюда следует, что дело творения, как процесс вдвойне сложный, может совершать свое движение лишь медленно и постепенно»¹⁶. Творение в данном контексте может трактоваться в том числе и как отдельное художественное произведение, а поэт – как субъект, способный совершать акт божественного творчества, ведь «в человеке мировая душа впервые внутренне соединяется с божественным Логосом в сознании, как чистой форме всеединства»¹⁷. Сравним со строками из стихотворения «А.А. Фету (Посвящение книги о русских поэтах)»: «И я хочу, средь царства заблуждений, / Войти с лучом в горнило вещей снов, / Чтоб отблеском бессмертных озарений / Вновь увенчать умолк-

¹⁵ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. С. 138.

¹⁶ См.: Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yakov.works/library/18_s/solovyov/11_278.html (Дата обращения – 23.03.2020) [21].

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. С. 138.

нувших певцов» [18, с. 116]. Лирический герой цикла, таким образом, оказывается непосредственным участником мистериального действия, подобно Прометею (имя которого означает «предвидящий»), несущему свет истины людям. В несобранном цикле с ясной точностью определяется роль искусства, а именно – сохранять, возрождать лучшее, вечное и прекрасное для будущего.

Слово в лирических текстах философа становится символом. Так, местоимение «она» в стихотворении «Родина русской поэзии» трактуется Соловьёвым в другом источнике многоаспектно: «под “она” можно тогда разумеать все, что угодно, – и поэзию, и красоту, и вечную истину, и мудрость»¹⁸. Данное замечание позволяет по-иному взглянуть на трактовку слова «она»: соотносённость этого местоимения с понятием «поэзия» обусловлено, в том числе, упоминанием лексем «песня», «пели» в тексте («И песни строгие к укромной колыбели»; «Но, прилетевши к ней, они так нежно пели» [19, с. 118]). В этом стихотворении подчеркнуто наследование предшествующей традиции, а также существование Божественного замысла («Но, прилетевши к ней, они так нежно пели / Над вещей тишиной родительских гробов», «Тебе навеял Бог осеннюю порой» [19, с. 118]).

Лирический герой несобранного цикла обладает особым восприятием поэтического дара, он способен увидеть, прочувствовать в лирике других авторов то, что даже невыразимо словами. Так, в стихотворении, адресованном поэту второй половины XIX века К.К. Случевскому, обозначается особое качество поэзии и утверждается, что истинный поэт обладает уникальным знанием:

Дарит меня двойной отрадой
Твоих стихов вечерний свет:
И мысли ясною прохладой,
И тем, чему названья нет [23, с. 119].

Идея теургии, по словам С.Н. Бройтмана, «служит завершением основополагающей для школы теории символа», символ при этом «связан с “невыразимым” и “невысказанным”», а также с категорией мифа, который и есть, «по Вяч. Иванову, жаждущая воплощения теургическая действительность»¹⁹.

Взаимосвязь и взаимопроникновение природного с божественным также описаны Соловьёвым: «отдельные лучи и отблески божественного мира должны проникать и в нашу действительность и составлять все идеальное содержание, всю красоту и истину, которую мы в ней находим»²⁰. Роль человека (одно-

¹⁸ См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьёва. Т. 2 / под ред. [и с предисл.] Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1909. С. 241 [22].

¹⁹ См.: Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. С. 203.

²⁰ См.: Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва в 9 т. Т. 3. С. 109.

временно принадлежащего к обоим мирам) заключается в том, что он «актом умственного созерцания может и должен касаться мира божественного и, находясь еще в мире борьбы и смутной тревоги, вступать в общение с ясными образами из царства славы и вечной красоты» [16, с. 109]. Таким образом, важной категорией в разворачивающемся лирическом сюжете оказывается «знание». В работе «Духовные основы жизни» Соловьев отмечает: «В знании, в художестве, в чистом законе душа созерцает идеальный космос и в этом созерцании ... исчезает власть материального хаотического начала над человеческою душою» [24, с. 327]. Такое мирозерцание требует от человека, чтобы «он ушел из этого мира, вынырнул из этого мутного потока на свет идеального солнца, чтобы он освободился от оков телесного бытия как из темницы или гроба»²¹. «Ночь» можно трактовать как земную жизнь, тьма которой должна быть рассеяна светом истинной поэзии:

Так пусть он блещет и зимою,
Когда ж блистать не станет вмоchь,
Засветит вещью зарею, –
Зарей во всю немую ночь [23, с. 119].

При этом важно отметить, что осознание несовершенства земной жизни является частью свершения мистериального действия: «Что разрывом тягостным / Мучит каждый миг – / Все ты чувством благостным / В красоте постиг» [25, с. 132].

Образ-символ моря оказывается значимым компонентом лирического мистериального сюжета: «В воде материальная стихия впервые освобождается от своей косности и непроницаемой твердости. Этот текучий элемент есть связь неба и земли» [26, с. 46]. В стихотворении «Песня моря» ощущается боль утраты, которую испытывает лирический герой. Контрастность эпитетов («теплое южное» и «холодных») к финалу текста нивелируется, создавая ощущение всеобщей скорби: «Эту песню одну знает южное море, / Как и бурные волны холодных морей – / Про чужое, далекое, мертвое горе, / Что, как тень, неразлучно с душою моею» [20, с. 123].

В стихотворениях несобранного цикла природный образ-символ является одной из главных составляющих теургического акта: «Под цветами вашими плод земли сокрытый / Рос, и семя новое тайно созревало» [17, с. 116]; «И в сердце бьет невидимый прибор» [18, с. 117]. Особую трактовку они получают в стихотворении «Родина русской поэзии», где природа становится частью мистериального действия, принимая в свое лоно обновленную поэзию: «Там на закате дня, осеннею порою, / Она, волшебница, явилася на свет, / И принял лес ее

²¹ См.: Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 327 [24].

опавшею листвою» [19, с. 118]. В стихотворении «Песня моря» горечь утраты с первых строк постепенно нарастает. Далее природа участвует в раскрытии лирического мистериального сюжета: «Солнца блеск вселенского / И земная мгла...» [25, с. 132]; «Мы живем, твои белые думы, / У заветных тропинок души»; «Наше сердце цветет и вздыхает» [27, с. 135]; «В грозные, знойные / Летние дни – / Белые, стройные / Те же они»; «Зло пережитое / Тонет в крови, – / Выходит омытое / Солнце любви» [28, с. 137].

«Осень», время свершения мистериального действия, аллегорически воспринимается лирическим героем как момент подведения итогов, «качественного» преобразования. Это цикличность, заключенная в смерти и возрождении природы и в метафизическом возрождении всех участников мистериального действия. Так, в частности, словосочетание «вещая заря» по-особому раскрывает природный комплекс мотивов. В цикле отмечается «странность» происходящего, что вводит лексему «солнцеповорота» («Твой день от солнцеповорота / Не убывал, а только рос» [23, с. 119]) в символическое поле стиха: «твой день» в период важных перемен («солнцеповорот») настолько изменится, что зимой «засветит вещью зарею».

Лирический герой цикла принимает смерть, несущую с собой качественно новые изменения («все, изменяясь, изменило»), продолжение жизни, совершение преобразования, а также акт творчества, тесно связанный с традицией поэтов-предшественников и современников:

Всё, изменяясь, изменило,
Везде могильные кресты,
Но будят душу с прежней силой
Заветы творческой мечты [29, с. 123].

Он осознает глубокую, трагическую (так как связана с утратой), но вместе с тем важную связь с предшествующим поколением, которую никто и ничто не способно заменить, но и лишить этой связи также никто не может. При этом именно поэт призван постичь и распространить знание о торжестве жизни над смертью, а также о победе «вечного» искусства над быстротечностью жизни. Важно, что этим особым знанием обладает поэт, способный преодолеть временные и жизненные законы: «Времен не слушаясь запрета, / Он в смерти жизнь хранит один» [29, с. 123].

Ощущая одиночество в связи со смертью близких людей, лирический герой стремится в «обитель примиренья»²². Божественное и духовное начала, «организующие» мистериальное действие, реализуются в стихотворениях, в том

²² См.: Соловьев В.С. Белые колокольчики // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 135 [27].

числе, посредством образа-символа «белый колокольчик» (стихотворения «Белые колокольчики» и «Вновь белые колокольчики»), который усиливает божественное и духовное начала мистериального действия. Отметим, образы-символы цветка будут позднее активно использоваться символистами²³.

Лирический герой достигает такой степени «просветления», при которой оказывается способным проникнуть в некий мир идей, космос, противопоставленный земному существованию:

Мы живем, твои белые думы,
У заветных тропинок души.
Бродишь ты по дороге утрюмой,
Мы недвижно сияем в тиши [27, с. 135].

Окончательное объединение «формы» и «содержания», единение поэта с вечной красотой, свершение акта теургии происходит в финальном стихотворении несобранного цикла. По мнению С.Н. Бройтмана, «теургия» – термин, заимствованный символистами у В.С. Соловьева. Это «центральная (наряду с символом) категория в эстетике русского символизма, обозначающая высшую форму творчества»²⁴. Жизнь («зло пережитое») оказывается позади, восход новой жизни – в настоящем моменте (глагол настоящего времени – «всходит»):

Зло пережитое
Тонет в крови, –
Всходит омытое
Солнце любви [28, с. 137].

Таким образом, мистериальное действие, подготавливаемое с первого стихотворения несобранного цикла, тайная встреча, к которой лирический герой готовился, глубоко воспринимая знание предшествующих поэтических поколений, свершается в финальных стихотворениях цикла. По Соловьеву, всякий истинный поэт должен «проникать “в отчизну пламени и слова”, чтобы оттуда брать первообразы своих созданий и вместе с тем то внутреннее просветление, которое называется вдохновением и посредством которого мы и в нашей природной действительности можем находить звуки и краски для воплощения идеальных типов»²⁵. В данной связи важным оказывается сам мистериальный переход, преображение, момент совершения внутреннего подвига. Сквозным в

²³ См.: Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. С. 203.

²⁴ Там же. С. 201.

²⁵ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. С. 109.

несобранном цикле будет профетический мотив, отвечающий цели художника. Одну из задач нового искусства философ видит в следующем: «Художники и поэты опять должны стать жрецами и пророками, но уже в другом, еще более важном и возвышенном смысле» [30, с. 173–174]. В несобранном цикле профетический мотив реализуется, в том числе, за счет повтора слова «вещий»: «Вещие свидетели жизни пережитой» [17, с. 116]; «Войти с лучом в горнило вещей снов» [18, с. 116]; «Над вещей тишиной родительских гробов» [19, с. 118]; «Засветит вещью зарею» [23, с. 119]; «Заветы творческой мечты» [29, с. 123].

Развертывание лирического мистериального сюжета в десяти стихотворениях несобранного цикла происходит через осознание несовершенства существующего земного порядка, его темных сторон. Далее следует процесс преобразования (изменения в природе и сознании лирического героя), завершающийся достижением совершенного, идеального мира красоты. Лирический поэт, становясь творцом, в искусстве свершает акт мистериального преобразования видимого мира, несущего в себе (как часть целого) приметы и признаки высшей идеи. Связь поэтических поколений оказывается непрерывной: являясь наследником предшествующей поэтической традиции и одновременно духовным учителем для поэтов XX веков, Соловьев создает собственный поэтический миф. Творчество поэтов-предшественников и современников Соловьева оказывается включенным в единый лирический мистериальный сюжет несобранного цикла, что делает искусство «реальной силой», «просветляющей и перерождающей весь человеческий мир»²⁶. Соловьев утверждает теургический аспект поэтического творчества, идею преобразования действительности посредством поэзии, формируя особый лирический мистериальный сюжет в несобранном цикле стихотворений второй половины 1890-х годов.

Список литературы

1. Ляпина Л.Е. Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. Исследования и материалы. Петрозаводск, 1990. С. 23–30.
2. Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 32 с.
3. Дарвин М.Н. Художественная циклизация в постсимволистском сознании А. Белого // Постсимволизм как явление культуры: материалы Междунар. конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2003. С. 53–57.
4. Пепеляева Е.В. Исследовательская циклизация лирики как теоретическая проблема // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2(18). С. 174–180.
5. Соловьев В.С. Стихотворения. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К^о, 1915. 360 с.
6. Минц З.Г. Соловьев – поэт // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 5–56.

²⁶ См.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 173 [30].

7. Магомедова Д.М. Владимир Соловьев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: ИМЛИ: Наследие, 2000. Кн. 1. С. 732–778.
8. Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.
9. Дашевская О.А. Жизнестроительная концепция Д. Андреева в контексте культурфилософских идей и творчества русских писателей первой половины XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 435 с.
10. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 408 с.
11. Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М.: РГГУ, 2008. 485 с.
12. Соловьев В.С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 208–232.
13. Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. 293 с.
14. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
15. Соловьев В.С. Памяти А.А. Фета // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 115.
16. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 1–168.
17. Соловьев В.С. На смерть А.Н. Майкова // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 116.
18. Соловьев В.С. А.А. Фету (Посвящение книги о русских поэтах) // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 116–117.
19. Соловьев В.С. Родина русской поэзии. По поводу элегии «Сельское кладбище» // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 118.
20. Соловьев В.С. Песня моря // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 123.
21. Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yakov.works/library/18_s/solovyov/11_278.html (Дата обращения – 23.03.2020).
22. Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 1–4 / под ред. [и с предисл.] Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1908–1923. Т. 2. 1909. 241 с.
23. Соловьев В.С. Отзыв на «Песни из “Уголка”» // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 119.
24. Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 270–382.
25. Соловьев В.С. На смерть Я.П. Полонского // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 132.
26. Соловьев В.С. Красота в природе // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 6. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 30–68.
27. Соловьев В.С. Белые колокольчики // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 135.
28. Соловьев В.С. Вновь белые колокольчики // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 137.
29. Соловьев В.С. Ответ на «Плач Ярославны» // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. М.: Сов. писатель, 1974. С. 123–124.
30. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 9 т. Т. 3. СПб.: Общественная польза, 1901–1907. С. 169–205.

References

1. Lyapina, L.E. Zhanrovaya spetsifika literaturnogo tsikla kak problema istoricheskoy poetiki [Genre specifics of a literary cycle as problem of historical poetics], in *Problemy istoricheskoy poetiki*.

Issledovaniya i materialy [Problems of historical poetics. Researches and materials]. Petrozavodsk, 1990, pp. 23–30.

2. Fomenko, I.V. *Poetika liricheskogo tsikla*. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [Poetics of a lyrical cycle. Abstr. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1990. 32 p.

3. Darvin, M.N. Khudozhestvennaya tsiklizatsiya v postsimvolistskom soznanii A. Belogo [Art cyclization in post-symbolist consciousness of A. Bely], in *Postsimvolizm kak yavlenie kul'tury: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii* [Post-symbolism as culture phenomenon. Materials of the International conference]. Moscow: Izdatel'stvo RGGU, 2003, pp. 53–57.

4. Pepelyaeva, E.V. Issledovatel'skaya tsiklizatsiya liriki kak teoreticheskaya problema [Research cyclization of lyrics as theoretical problem], in *Vestnik Permskogo universiteta*, 2012, issue 2(18), pp. 174–180.

5. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Tipo-lit. tovarishchestva I.N. Kushnerev" i Ko, 1915. 360 p.

6. Mints, Z.G. Solov'ev – poet [Solovyov is a poet], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, pp. 5–56.

7. Magomedova, D.M. Vladimir Solov'ev [Vladimir Solovyov], in *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov). Kn. 1* [Russian literature of a turn of centuries (1890-e – beginning of the 1920th years). Book 1]. Moscow: IMLI: Nasledie, 2000, pp. 732–778.

8. Bychkov, V.V. *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian theurgic aesthetics]. Moscow: Ladomir, 2007. 743 p.

9. Dashevskaya, O.A. *Zhiznestroitel'naya kontseptsiya D. Andreeva v kontekste kul'turfilosofskikh idey i tvorchestva russkikh pisateley pervoy poloviny XX veka* [Life-building concept of D. Andreev in the context of cultural philosophical ideas and creativity of Russian writers of the first half of the XX century]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2006. 435 p.

10. Ginzburg, L.Ya. *O lirike* [About the lyrics]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1974. 408 p.

11. Broymtan, S.N. *Poetika russkoy klassicheskoy i neklassicheskoy liriki* [Poetics of Russian classical and non-classical lyrics]. Moscow: RGGU, 2008. 485 p.

12. Solov'ev, V.S. O liricheskoy poezii. Po povodu poslednikh stikhotvoreniy Feta i Polonskogo [About lyrical poetry. Concerning Fet and Polonsky's last poems], in *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Esthetics. Literary criticism]. Moscow: Kniga, 1990, pp. 208–232.

13. Darvin, M.N., Tyupa, V.I. *Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina: Opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya* [Cyclization in Pushkin's creativity: Experience of studying of poetics of convergent consciousness]. Novosibirsk: Nauka, 2001. 293 p.

14. Gasparov, B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 352 s.

15. Solov'ev, V.S. Pamyati A.A. Feta [A.A. Fet's memories], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 115.

16. Solov'ev, V.S. Chteniya o Bogochelovechestve [Readings about Godmanhood], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 9 t., t. 3* [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov in 9 vol., vol. 3]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1901–1907, pp. 1–168.

17. Solov'ev, V.S. Na smert' A.N. Maykova [On the death of A.N. Maykov], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 116.

18. Solov'ev, V.S. A.A. Fetu (Posvyashchenie knigi o russkikh poetakh) [To A.A. Fet (Dedication of the book about the Russian poets)], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, pp. 116–117.

19. Solov'ev, V.S. Rodina russkoy poezii. Po povodu elegii «Sel'skoe kladbishche» [Homeland of the Russian poetry. Concerning the elegy “Rural Cemetery”], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 118.

20. Solov'ev, V.S. Pesnya morya [Song of the sea], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 123.

21. Solov'ev, V.S. *Rossiya i vselenskaya tserkov'* [Russia and the Ecumenical Church]. Available at: <http://poesias.ru/proza/vereshaginvasilij/vereshagin1013.shtml> (Data obrashcheniya – 23.03.2020).
22. *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva, t. 1–4* [V.S. Solovyov's Letters, vol. 1–4]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908–1923, vol. 2, 1909, 241 p.
23. Solov'ev, V.S. Otzyv na «Pesni iz “Ugolka”» [Response on “A song from ‘Corner’ ”], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 119.
24. Solov'ev, V.S. Dukhovnye osnovy zhizni [Spiritual foundations of life], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 9 t., t. 3* [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov in 9 vol., vol. 3]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1901–1907, pp. 270–382.
25. Solov'ev, V.S. Na smert' Ya.P. Polonskogo [On the death of Ya.P. Polonsky], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 132.
26. Solov'ev, V.S. Krasota v prirode [Beauty in nature], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 9 t., t. 3* [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov in 9 vol., vol. 3]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1901–1907, pp. 30–68.
27. Solov'ev, V.S. Belye kolokol'chiki [White bluebells], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 135.
28. Solov'ev, V.S. Vnov' belye kolokol'chiki [Again white bluebells], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, p. 137.
29. Solov'ev, V.S. Otvet na «Plach Yaroslavny» [Response to “Yaroslavna's Crying”], in Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1974, pp. 123–124.
30. Solov'ev, V.S. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three speeches in memory of Dostoevsky], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 9 t., t. 3* [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov in 9 vol., vol. 3]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1901–1907, pp. 169–205.